

ПУРГАМЕНТАРНЫЙ ДИСКУРС В НАСЛЕДИИ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Е.Е. Завьялова
(Россия, Астрахань)

В статье выявляется характер отношения к категории нечистоты западных мыслителей древности. Анализируются высказывания Фалеса, Ксенофана, Демокрита, Гераклита, Платона, Аристотеля, Сенеки. Доказывается, что присутствие пургаментарных мотивов в наследии древнегреческих философов связано с тенденцией к построению различных вариантов космологических моделей. Прослеживается, как с течением времени на первый план выходят иные аспекты «грязного» дискурса. Если в более ранних мифологических системах грязь априори была самостоятельной, первичной, самородной субстанцией, то теперь сосредоточенность на телесном начале коррелирует с категорией чистоты, расценивается как самовольное вторжение в сферу «отприродного».

In the article comes to light the character of attitude toward the category of impurity of western thinkers of antiquity. The utterances of Fales, Ksenofan, Demokrit, Geraklit, Plato, Aristotle, Seneka are analyzed. Proved, that being of purgamentar reasons in heritage of the ancient Greek philosophers are related to the tendency to the construction of different variants of cosmological models. Traced, as in time on the first plan go out other aspects of "dirty" discourse go out. If in more early mythological systems dirt a priori was an independent, primary, virgin substance, then now concentration on the corporal beginning correlated with the category of cleanness, is considered as a willful intruding in the sphere of natural.

Ключевые слова: пургаментарный дискурс, категория нечистоты, образ грязи, первоэлемент, космогония, амбивалентность, обратимость.

Key words: purgamentar discourse, category of impurity, character of dirt, first element, cosmogony, ambivalence, convertibility.

С конца XX в. в гуманитарных науках отмечается усиление интереса к мотивам грязи и мусора. Концептуализация «мусорного дискурса» в авторских системах современного искусства приводит к появлению ряда публикаций, в которых рассматривается категория «нечистоты». Наиболее заметные среди них – материалы, подготовленные в рамках проекта «Мотивика и мифологемика XIX–XX вв.» в Институте славистики Польской академии наук в Варшаве [16]. Цель настоящей работы состоит в изучении пургаментарной темы в наследии западных мыслителей древности – обнаружении её истоков и установлении закономерностей эволюции.

Наиболее очевидно присутствие образов грязи (жидкой земли) в космологических учениях. Причина тому ясна – мир, согласно ранним представлениям, запечатлённым в мифологии и фольклоре, создаётся в неистовой схватке полярных стихий и сил. Поэтому пургаментарные образы как знаки проявления одной из крайностей не могут не быть задействованы в древних моделях мира.

«Сопоставляя и анализируя окружающие явления и предметы, – пишет в своей монографии новосибирский синолог Валерий Владимирович Евсюков, – человек закономерно приходил к выводу о том, что если мир существует в ожесточенном внутреннем противоборстве и тем не менее не гибнет, распадаясь на составные элементы, то, значит, есть нечто такое, что удерживает его в постоянном устойчивом равновесии. В самом деле, если смерть не уничтожает окончательно живое, мировые воды не одерживают верха над теплом огня, а солнце не иссушает без остатка живительную влагу, значит полярные космические начала имеют нечто общее между собой, значит существует некая универсальная первооснова бытия, из которой некогда возникло всё сущее и в которую всё обратится вновь в конце времён» [6, с. 22].

Уже Аристотель отметил, что «из тех, кто первым занялся философией, большинство считало началом всех вещей одни лишь начала в виде материи: то, из чего состоят все вещи, из чего первого они возникают и во что в конечном счёте уходят, причём основное пребывает, а по свойствам своим меняется, это они и считают элементом и началом вещей. И поэтому они полагают, что ничто не возникает и не погибает, так как подобная основная природа всегда сохраняется...» [1, с. 316]. Во многих древних космологических системах в основе существования мира лежат несколь-

ко первоэлементов, чаще всего четыре: воздух (эфир), огонь, вода и земля. Доказано, что концепция четырёх (пяти) составляющих есть «продукт человеческой природы, которая более или менее одинакова повсеместно» [15, с. 244]. Первоэлементы расположены в определённой последовательности, при этом наиболее грубые, субстанциональные из них – вода и земля.

Наиболее ранние греческие философы отдают предпочтение воде и земле как первооснове бытия – в отличие от последующих поколений мыслителей, которые переносят внимание на огонь, воздух, свет, эфир. Как убедительно доказывает В.В. Евсюков, «подобная закономерность прослеживается и в религиозном мировоззрении. Не случайно в огромном числе мифов тело человека творится из земли и воды, а душа – из огня и воздуха. Сходным образом мыслятся и сверхъестественные существа: верховные боги, духи и ангелы бесплотны, имеют огненно-воздушную природу; злобные же демоны помещаются под землёй и водой, они более "материальны", созданы из грязи, слизи, нечистот и других низменных, грубо чувственных компонентов» [6, с. 27].

Обратимся к учению Фалеса (др.-греч. Φαλῆς ὁ Μιλήσιος, 640/624–548/545 до н.э.), основателя милетской школы, с которой, собственно, и начинается история европейской науки. Считая воду материальным первоначалом, из которого естественным образом возник мир, Фалес утверждает: «Влажное вещество, с лёгкостью преобразуясь ("перелепливаясь") во всевозможные [тела], принимает пёстрое многообразие форм. Испаряющаяся часть его обращается в воздух, а тончайший воздух возгорается в виде эфира. Выпадая в осадок и превращаясь в грязь¹ [ил], вода обращается в землю» (в пересказе Гераклита-Аллегориста. Гомеровские вопросы, 224 [13, с. 115]). Фалес также утверждает, что звёзды, Луна состоят из земли [13, с. 118].

По мнению московского философа, политолога Александра Гельевича Дугина, вода Фалеса – это «элемент сакрального мышления», а тезис о происхождении всего из воды – «сакральный тезис». Вода – это «одновременно материальная субстанция, обобщённое рассудочное понятие, мифологическая инстанция, богиня, высшее присутствие, великая мать, плоть бытия, интуиция холода» [5]. Соответственно, указанные превращения одного в другое (вода – грязь – земля) могут трактоваться как сходжение противоположностей, проявление грандиозного, вневременного начала.

Анаксимандр (др.-греч. Ἄναξίμανδρος, 610–547/540 до н.э.), ученик и преемник Фалеса, считает, что в результате ряда преобразований некоего неопределённого первовещества в центре мира образовывается земля, имеющая форму цилиндра и покрытая влажным илом. Именно в этой вязкой массе сами собой зарождаются первые живые существа. В.В. Евсюков замечает, что указанные идеи Фалеса и Анаксимандра могли почерпнуть из финикийских и вавилонских мифов, повествующих о том, что жизнь зародилась в иле либо в «водянистой гнили». Сравним это с космогонической картиной, нарисованной Диодором Сицилийским (греч. Διόδωρος Σικελιώτης, прим. 90–30 гг. до н.э.) с опорой на мнения «авторитетнейших физиологов»: илистая, мутная часть воздуха в сочетании с жидкой консистенцией оседает в одно и то же место в силу тяжести. Непрерывно вращаясь вокруг своей оси и сбиваясь в комок, она производит из жидких частиц море, а из более твёрдых – землю, сначала «грязеобразную и совершенно мягкую» [13, с. 140]. Солнце нагревает поверхность земли, в результате чего она затвердевает. Затем во влажных местах появляются «гнильцы, покрытые тонкими оболочками», в которых и развивается сначала жизнь.

Ещё более отчётливо «грязная» первооснова мира представлена в теории Ксенофана (др.-греч. Ξενοφάνης, 580/577–485/490 до н.э.). По его мнению, сами души состоят из земли и воды. Земля смешивается с морем и со временем растворяется: «Все люди погибают, когда земля опускается в море и становится грязью, но потом они вновь возрождаются из этой грязи» [13, с. 165]. «Можно предположить, – пишет А.Г. Дугин, – что грязь становится всё более и более плотной, пока не исчезает в земляной бездне. Люди, боги, живые существа, светила и

¹ Здесь и далее разрядка текста в цитатах выполнена мной – Е.З.

облака постепенно превращаются в грязь, в невнятную смесь сгущенной воды. Существа встанут на земные пути и возвращаются к тому, из чего произошли. Из грязи в грязь» [5].

По мнению основателя атомистики Демокрита (др.-греч. Δεμόκριτος, ок. 460 – ок. 370 до н.э.), тело человека возникло из воды и грязи (ила) без всякого творца. Диоген Лаэртский описывает представления Демокрита следующим образом: «После того, как произошло разделение мрачного хаоса, после того, как возник воздух, а под ним земля, грязеобразная и совсем мягкая, на ней вспучились плёнки, имеющие вид грязных нарывов или водяных пузырей. Днём их нагревало солнце, ночью их питала лунная влага. После того как они увеличились и лопнули, из них образовались люди и всевозможные виды животных, соответственно преобладанию того или иного элемента – именно влагообразного, огнеобразного, землеобразного и воздухообразного» [4, с. 515]. Как видим, в данном описании вновь упоминается четыре первоэлемента, а процесс зарождения жизни описывается как заведомо неэстетический.

Далее речь пойдёт об использовании пургаментарных образов для придания большей наглядности той или иной философской концепции. Образ грязи неоднократно вводит в свои сочинения Гераклит (др.-греч. Ἡράκλειτος ὁ Ἐφέσιος, 544–483 гг. до н.э.), что вполне закономерно для основоположника диалектики, утверждающего неизбежность и всеобщность противоположностей. Так, отстаивая идею тождества антагонистичных начал, Гераклит заявляет о том, что одна и та же вода может быть одновременно чистой, пригодной для питья, и грязной, вредной: «И грязное и чистое... одно и то же, и пригодное и непригодное для питья – одно и то же» [13, с. 206]; «...свиньи грязью наслаждаются больше, чем чистой водой» [13, с. 206]; «...птицы моются пылью» [13, с. 208] и т.д.

Марк Аврелий рассказывает, что Гераклит, заболев водянкой, вымазал себя в коровьем помёте, чтобы выпарить воду. «По одной версии, – указывает А. Дугин, – его разорвали бешеные псы, по другой – он вылечился. В любом случае – какой великий жест, утверждающий великую дистанцию [между Тёмным философом и чернью]» [5]. Для нас же эта история может быть классическим и безотносительным воплощением идеи внутренней раздвоенности вещей и их взаимодействия.

Платон (др.-греч. Πλάτων, 428 или 427–348 или 347 до н.э.), объясняя природу души, то, какова душа сейчас и какой была до своего нисхождения в мир чувственный, символически отождествляет её с Главком. К туловищу этого морского божества за долгое время пребывания в морских глубинах прикрепились много «землистого и дикого», много грязи и пыли. Он весь покрыт ракушками, водорослями и песком, а тело его изломано и изуродовано волнами, так что он больше похож на чудовище, чем на божество.

В десятой книге «Государства» Платона в какой-то степени предвосхищается дантовский «Ад». В ней приводится рассказ Эра о странствиях его души по загробному миру. Изображается, «как души после суда над ними уходили по двум расселинам – неба и земли, а по двум другим приходили: по одной подымались с земли души, полные грязи и пыли, а по другой спускались с неба чистые души» [11, с. 615].

Аристотель (др.-греч. Ἀριστοτέλης, 384–322 до н.э.) в книге «Метеорологика» достаточно подробно исследует процесс разложения: «все разлагающееся постепенно высыхает и становится наконец землёй и прахом, ибо вместе с уходящим внутренним теплом испаряется и природная влага, а впитывать влагу [уже] нечему, так как, притягивая влагу, её вводит [в тело именно] внутренняя теплота <...>. В разлагающихся [телах] зарождаются живые существа, потому что обособившаяся теплота, будучи природной, соединяет [вместе] выделившиеся [части]» [2, с. 268]. В своих трудах Аристотель неоднократно приводит примеры «самозарождения» живых существ из разлагающихся органических остатков, навоза, испорченного мяса, различных отбросов, грязи, подтверждая свою теорию воздействия на материю духовного начала. Для нас же представляет интерес очередной вариант диалектического столкновения безобразного с высоким и прекрасным.

Очень часто в своих работах использует пургаментарные образы римский философ Луций Анней Сенека (лат. Lucius Annaeus Seneca minor, 4 до н.э. – 65). С одной стороны, в этом случае пристрастия могут объясняться его стоической приближенностью к вещественному, констатацией «хаоса жизни» [8] (Сенека считает, что всё телесно – мир, боги, души). С другой – распространением «нового», «современного» стиля речи, ориентированного на «страстность», «стремительность», «порывность» и стиравшего границы между поэзией и прозой [12, с. 430]. Сенека любит яркие краски, и ему лучше всего удаются картины пороков, сильных аффектов, патологических состояний. Его фразы насыщены образными противопоставлениями, не случайно философ рассматривался в Средние века как автор, близкий к христианству [12, с. 434].

В сборнике «Моральных писем к Луцилию» (63–64 гг.), которые считаются лучшим произведением Сенеки, содержится наиболее полное изложение его взглядов. В письме ХСП находим весьма любопытную мифологему: «золото и серебро... достойны того мрака, в котором лежали, она ценит их не по блеску, бьющему в глаза невеждам, но по прежней грязи, из которой выкопала их наша алчность. Она, повторяю, знает, что богатства не там, где их копят, – наполнять надо душу, а не мощну» [9, с. 132].

«Природа не навязывает нам ни одного порока, она производит нас на свет незапятнанными и свободными, – пишет Сенека в письме ХСIV. – Ничто разжигающее нашу алчность не поместила она на виду, но бросила нам под ноги и золото, и серебро, давая попирасть и топтать всё то, из-за чего попирают и топчут нас... А вот золото и серебро, и железо, никогда не знающее из-за них мира, она скрыла, ибо к нам в руки они попадают на горе. Мы сами извлекаем на свет то, из-за чего будем сражаться, мы сами, раскидав груды земли, выкапываем и причину, и орудие своей гибели; мы вручили нашу пагубу фортуне и не стыдимся ставить выше всего то, что лежало в земле ниже всего. Ты хочешь убедиться, что блеск, ослепивший тебе глаза, обманчив?»

Пока металлы погружены в грязь и облеплены ею, нет ничего отвратительнее, ничего тусклее! Когда их вытаскивают из тьмы длиннейших копей, куда они не отделены от родной грязи и не стали тем, что есть, нет ничего безобразнее! Наконец, взгляни на мастеров, чьи руки очищают этот род бесплодной, безобразной земли! Ты увидишь, сколько на них копоти! А ведь душу эти металлы пачкают больше, чем тело! Больше грязи на их владетеле, чем на изготовителе!» [9, с. 58–59].

В основу рассуждений Сенеки положен принцип амбивалентности. Очевидна связь образов драгоценных металлов с солярными мифами (погребённое золото как бы хранит в себе солнечный блеск во тьме подземного мира), с «остаточной» символикой праха, с преданиями о кладах, с испытаниями героев [9, с. 127]. Грязь и металлы здесь сопоставлены в том смысле, что являются как бы зеркальным отражением друг друга: в «том», глубинном мире, во «тьме длиннейших копей» заменитель золота и серебра – «родная грязь»; в «этом» мире «нет ничего безобразнее» блеска драгоценностей, пачкающих тело и душу.

В более тривиальной форме пургаментарные мотивы используются Сенекой при описании жизненных тягот. «...Сердиться на все эти вещи так же смешно, как жаловаться, что на улице тебя обрызгали, а в грязи ты испачкался. В жизни всё – как в бане, в толчее, на дороге: одно брошено в тебя нарочно, другое попадает случайно. Жизнь – вещь грубая. Ты вышел в долгий путь, – значит, где-нибудь и поскользнёшься, и получишь пинок, и упадёшь, и устанешь, и воскликнешь "умереть бы!" – и, стало быть, солжёшь» (письмо CVII) [9, с. 22]. «Тебя беспокоила боль..., письма пришли не слишком приятные, одолели непрестанные убытки; подойду ещё ближе: ты боялся за свою жизнь. Так разве ты, когда желал себе дожить до старости, не знал, что желаешь и всего этого? Это всё неизбежно в долгой жизни, как в долгой дороге неизбежны и пыль, и грязь, и дожди» (письмо ХСVI) [9, с. 23–24].

Сенека обращается к одной из самых глобальных универсалий мировой культуры – к мироконцепту путь / дорога. «Неустроенность, конфликтность, бесприютность

нашей жизни актуализировала в нашем подсознании концептуальный архетип дороги, пути как пространства хаоса, противостоящего стабильности дома, освоенного культурой пространства. С дорогой связаны скитания, поиски судьбы, счастья, дорога – это фантом, держащий нас в плену часто бессмысленного движения, не дающий перейти к разумной стабильности жизни» [14, с. 30]. Образы пыли и грязи (необычайно популярные в указанном контексте) призваны подчеркнуть трудность, утомительность жизненного пути.

Ещё один классический вариант использования мотива нечистоты содержится в гесиодовском противопоставлении нынешнего века веку золотому, когда люди жили, «как боги, с спокойной и ясной душой, / Горя не зная, не зная трудов» [3, с. 112–113]. Сенека даёт следующую интерпретацию жизни двух поколений людей: «Ни у кого не было домов в размер города – был воздух и вольное дыхание на просторе, и лёгкая тень скалы либо дерева, и прозрачные источники, и ручьи, не загрязнённые ни канавами, ни трубами, ни иными насильственными путями, но бегущие по своей воле, и луга, красивые без всякого искусства, и среди них – грубая хижина, сложенная неумелой рукой. Таков был дом у живших в согласье с природой, в нём отродна было обитать, не боясь ни его, ни за него. А теперь само жилище есть одна из первых причин нашего страха» (письмо XC) [9, с. 44]. Мы видим, что в данном случае первоизданность связана у Сенеки с отприродной чистотой, а грязь воспринимается как культурная, вторичная.

Тот же посыл содержится в следующем отрывке: «Вот несчастный человек! Да он жить не умеет! Моется непроцеженной водой, чаще всего мутной и, в сильные дожди, чуть ли не илистой! И было для него несколько не важно, чем мыться: ведь он приходил смыть пот, а не притираться. Что, по-твоему, сказали бы теперь? – "Я не завидую Сципиону: он и вправду жил в ссылке, если так мылся". – А если бы ты знал, что он и мылся-то не каждый день! Ведь те, кто сохранил преданье о старинных нравах Города, говорят, что руки и ноги, которые пачкаются в работе, мыли ежедневно, а всё тело – раз в восемь дней. – Тут кто-нибудь скажет: "Ясное дело, как они были грязны! Чем от них пахло, по-твоему?" – Солдатской службой, трудом, мужем! Когда придумали чистые бани, люди стали грязнее. Когда Гораций Флакк намерен описать человека гнусного и всем известного своею изнеженностью, что он говорит? Пахнет духами Букилл...» (письмо LXXXVI) [9, с. 12–13].

Несомненно, знаки, связанные с запахами, играют важную роль в структурировании образа мира. К. Леви-Стросс подчёркивает, что «запахи принадлежат к природному и социальному мирам одновременно» [7, с. 22]. Сенека, указав на проблему ольфакторного обозначения социального статуса человека, вступает в дискуссию с традиционным восприятием престижных и маргинальных запахов. Вновь отприродная, естественная грязь ставится Сенекой выше культурной порочной чистоты.

Подведём итоги. Присутствие пургаментарных мотивов в наследии древнегреческих мыслителей связано с тенденцией к построению различных вариантов космологических моделей, в основе которых лежит идея внутреннего противоборства и устойчивого равновесия ключевых четырёх-пяти элементов. Наиболее «грубой» из первооснов признаётся земля, именно на неё обращают особое внимание ранние греческие философы. С «нечистой» субстанцией традиционно связывают телесное, брэнное, материальное, но несущее в себе колоссальный потенциал начало.

С течением времени мысль о зарождении жизни «из грязных нарывов» становится менее актуальной. На первый план выходят проблемы обратимости, амбивалентности грязного и чистого. Если в более ранних мифах и космологических системах грязь априори была самостоятельной, первичной, самородной субстанцией, то теперь доминируют иные интенции: сосредоточенность на телесном коррелирует уже с чистотой, и стремление к благообразию соотносится с самовольным вторжением в сферу «отприродного».

Список литературы

1. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. / Аристотель ; вст. ст., примеч. И. Д. Рожанский ; пер. Н. В. Брагинской. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – 550 с. – Серия. Философское наследие.
2. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. / Аристотель ; вст. ст., примеч. И. Д. Рожанский ; пер. Н. В. Брагинской. – М. : Мысль, 1981. – Т. 3. – 613 с. – Серия. Философское наследие.
3. Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла / Гесиод ; пер. В. В. Вересаева. – М. : Лабиринт, 2001. – 254 с.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский ; общ. ред. А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1979. – 571 с. – Серия. Философское наследие.
5. Дугин А. Демокритом погребённые : сакральное мышление в философии досократиков / А. Дугин – Режим доступа : <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1411>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Евсюков В. В. Мифы о вселенной / В. В. Евсюков. – Новосибирск : Наука, 1988. – 177 с. – Серия. Из истории мировой культуры.
7. Леви-Строс К. Путь масок / К. Леви-Строс ; пер. с фр. А. Б. Островского. – М. : Республика, 2000. – 399 с.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. / А. Ф. Лосев ; сост., подгот. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого // История античной эстетики. – М. : Мысль, 2002. – Т. V, кн. 2. – 431 с.
9. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Анней Сенека Луций ; пер., подгот. изд. С. А. Оперова ; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1977. – 384 с. – Серия. Литературные памятники.
10. Новичкова Т. А. Сор и золото в фольклоре / Т. А. Новичкова // Канун. – СПб. : ИРЛИ, 1996. – С. 121–156. – Вып. 2. Полярность в культуре.
11. Платон. Собрание сочинений : в 3 т. (в 4 кн.) / Платон ; пер. А. Н. Егунова. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3, кн. 1. – 687 с. – Серия. Философское наследие.
12. Тронский И. М. История античной литературы / И. Н. Тронский. – М. : Высшая школа, 1983. – 464 с. – Серия. Школа классической филологии.
13. Фрагменты ранних греческих философов / сост. А. В. Лебедев ; отв. ред. И. Д. Рожанский. – М. : Наука, 1989. – 576 с. – Серия. Памятники философской мысли.
14. Черепанова О. А. Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах / О. А. Черепанова // Мат-лы XXVIII межвуз. науч.-методич. конф. преподавателей и аспирантов (СПб., 15–22 марта 1999 г.). – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – Вып. 7. – С. 29–34.
15. Forke A. The World Conception of the Chinese : their Astronomical, Cosmological and Physico-philosophical Speculations / A. Forke // Probsthain's oriental series. – London : Probsthain, 1925. – Vol. XIV. – 300 p.
16. Utopia czystości i gyru w Niemczech // Polska Akademia Nauk, Instytut Slawistyki, Studia Literaria Polono-Slavica. – Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1999. – V. 4. – 503 s.

**ТРАГЕДИЯ ЖИЗНИ И ДРАМА ИДЕЙ ПЛАТОНА
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.В. МОТРОШИЛОВОЙ**

**Л.Я. Подвойский
(Россия, Астрахань)**

Статья посвящена анализу второго раздела книги Н.В. Мотрошиловой «Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты» (М., 1991). Анализ проделан под углом зрения исследования трагедии жизни и драмы философских идей Платона. Автор книги рассматривает эту проблему в пяти актах. В статье подчеркнута актуальность философии Платона для многих поколений людей, вплоть до нынешних.

The article is devoted to the analysis of the second part of N.V. Motroshilova's book "Birth and development of philosophical ideas: historical and philosophical reviews and images" (Moscow, 1991). The analysis is made from the viewpoint of Plato's life tragedy and drama of Ideas. The author of the book studies this problem in five acts. The urgency of Plato's philosophy for many generations up to our days is underlined in the article.

Ключевые слова: философия, Сократ, Платон, идея, диалог, дискуссия, справедливость, несправедливость, государство, политика.

Key words: philosophy, Socrates, Plato, idea, dialogue, discussion, justice, injustice, state, policy.

Значительный интерес представляет книга Н.В. Мотрошиловой «Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты» (М.: По-